Робинзон Кузо

и планета, которую можно обойти за три дня

Антон Шешуков

Антон Шешуков

Робинзон Кузо и планета, которую можно обойти за три дня

«Автор»
2026

Шешуков А.

Робинзон Кузо и планета, которую можно обойти за три дня /
А. Шешуков — «Автор», 2026

В море появляется неподвижный облачный столб, а под ним — лагуна с таинственным стеклянным шаром. Кузо, Пуговка и Брамс заглядывают внутрь и оказываются на крошечной планете, которую можно обойти за три дня. Там они встречают Вегу, которая привыкла смотреть на другие миры через окна. Но окно к «Сполоху» начинает закрываться, и друзьям нужно разгадать оставленные Профессором загадки, чтобы вернуться домой.

© Шешуков А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кто-то сказал «семь» 5
Глава 2. Белое Колечко 7
Глава 3. Горизонт в двухстах шагах 9
Глава 4. Хозяйка пустой обсерватории 11
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Антон Шешуков
Робинзон Кузо и планета, которую можно обойти за три дня

Глава 1. Кто-то сказал «семь»

Тёплое море бывает ленивым. Оно лежит под кораблём, как огромный сытый кот, и только изредка шевелит боком. Волна поднимет «Сполох» и опустит обратно. Чайки сидят на воде и не торопятся взлетать. Даже ветер дует так, будто делает одолжение.

До весны оставалось восемьдесят дней. Кузо знал это точно, потому что каждое утро спрашивал Пуговку, а Пуговка каждое утро зачёркивала в блокноте ещё одну клеточку. Весной «Сполох» повернёт на север. Туда, где лёд. Туда, где сияние спит. Туда, где живёт кошка с белыми лапами, которую зовут Кузина Мур.

Мамино имя Кузо узнал совсем недавно. И теперь носил его с собой, как гладкий камешек в кармане: время от времени трогал, чтобы убедиться, что не потерялся. Вечером, когда никто не слышал, он говорил его вслух. Тихо. На палубе, у камбуза, у бочки с водой имя звучало по-разному. Но везде — хорошо.

Корабль жил своей жизнью. Брамс на камбузе гремел кастрюлями и ругался с Угольком, который опять раскалил печь так, что сковородка начала подпрыгивать.

— Я не жарю, я грею! — оправдывался Уголёк из печи. Он вырос в тундре, в чумах оленеводов, и до сих пор грел так, будто снаружи пурга. — Грелка Тридцати Чумов не умеет греть вполсилы!

— А ты научись, — ворчал Брамс. — Тут не тундра. И блины — не олени, им не холодно.

Морской котик Шкот лежал в гамаке в пустой матросской спальне и учился вязать морские узлы. Пуговка показывала ему, как завязать беседочный, а он путался в собственных ластах и смеялся так, что гамак раскачивался. Шкот был первым из ста двенадцати матросов, вернувшихся на «Сполох». Остальные сто одиннадцать ждали весны на далёкой Моржовой косе. Так что спальня пока была просторной. Даже слишком.

Солнце опустилось в море. Сначала оно было жёлтым, потом оранжевым, потом стало похоже на половинку абрикоса, а потом и вовсе пропало. Паруса «Сполоха» тихонько засветились — они всегда светились по ночам, мягко, как спящие светлячки.

Пора было считать мачты.

Это было самое важное дело дня, хотя со стороны оно казалось самым простым. Кузо и капитан Барсур обходили палубу, клали лапу на каждую мачту и считали. Каждый вечер. В шторм и в штиль. Потому что кто считает — тот не теряет. Так говорил дед Кузо, старый капитан Сивер. А ещё потому, что мачты отвечали.

Не словами, конечно. Мачты скрипят. Но Кузо умел слышать в их скрипе что-то вроде слов — как слышишь разговор за стенкой, когда не разобрать, о чём, но понятно, весёлый он или грустный. Каждая мачта скрипела по-своему. Первая — низко и деловито, как старый боцман. Вторая — повыше и с ленцой. Третья напевала. Четвёртая вздыхала. Пятая поскрипывала коротко, будто кашляла в кулак. Шестая — та, на которой остались детские зарубки самого Барсура, — скрипела чуть ниже, чем ей полагалось, словно немного простыла много лет назад и так и не поправилась. А седьмая дребезжала. Тихонько, весело, будто смеялась про себя.

— Раз, — сказал Барсур.

— Два.

— Три.

— Четыре.

— Пять.

— Шесть.

Кузо положил лапу на седьмую. На ней были две зарубки: старая, мамина, и новая, Барсура, — по росту Кузо.

— Семь, — сказали они вместе.

— Семь, — сказал кто-то ещё.

Кузо замер.

Голос был тонкий и далёкий. Будто кто-то сказал это слово в соседней комнате, за закрытой дверью. Или во сне. Но это не был голос Барсура. И не Пуговки. И уж точно не Брамса.

— Вы слышали? — спросил Кузо.

— Что?

— Кто-то сказал «семь». Вместе с нами.

Барсур посмотрел на Кузо. Потом на море. Потом на седьмую мачту. Потом снова на Кузо.

— Устал, — сказал он. — Спать.

Но Кузо видел, что капитан ещё долго стоял у борта и смотрел в темноту. А седьмая мачта в ту ночь дребезжала не так, как обычно. Не смеялась. А будто прислушивалась.

Утром Брамс вышел на палубу с ложкой. Он всегда так делал: зачерпывал ветер, как суп, и пробовал. С тех пор как Небесная Важенка, оленуха-дух северного неба, подарила ему этот дар, Брамс знал завтрашнюю погоду на вкус. Солёный ветер с кислинкой — значит, будет дождь. Сладковатый — штиль. С перчинкой — готовь паруса, будет шторм.

Брамс попробовал. Нахмурился. Попробовал ещё раз. Почмокал.

— Странно, — сказал он.

— Шторм? — спросила Пуговка.

— Нет.

— Дождь?

— Нет. — Брамс облизал ложку и посмотрел на неё с подозрением. — Завтра на вкус — никак. Пусто. Будто нас завтра тут не будет.

— Где «тут»? — уточнила Пуговка. Она любила точность.

— Вот это я и не понимаю, — сказал Брамс.

— Земля! — крикнул сверху Шкот. Он забрался на марс — площадку на мачте, откуда далеко видно, — чтобы учиться быть впередсмотрящим. — То есть не земля. То есть облако! То есть… идите сами посмотрите!

Все подбежали к борту.

Далеко впереди над морем стоял облачный столб, белый и плотный. Он начинался у самой воды и уходил вверх так высоко, что верхушка терялась в небе. Ветер дул, облака вокруг плыли, а столб стоял. Не шевелился. Будто кто-то воткнул его в море, как свечку в пирог.

Барсур развернул старую карту. Долго водил по ней когтем. Потом остановился.

Там, где стоял столб, на карте был нарисован маленький кружок. А рядом чьим-то кривым почерком было приписано: «Не заходить. Пропадают на минутку».

— На минутку? — переспросил Брамс. — Это как?

— Моряки болтали, — сказал Барсур. — Мол, кто туда заходил, пропадал. А через минуту появлялся. И клялся, что его не было много дней. Борода отросла, говорил, сапоги стоптались.

— А на самом деле?

— Сказки, — сказал Барсур.

И повернул штурвал прямо к столбу.

Глава 2. Белое Колечко

Под столбом оказался остров. Вернее, не совсем остров, а колечко.

Из воды поднималось узкое кольцо белого кораллового песка, кое-где поросшее пальмами. А внутри кольца лежала лагуна — круглая-круглая, как тарелка. Вода в ней была такая прозрачная, что казалось, будто её нет вовсе: просто воздух, только немного зеленоватый. И совершенно неподвижная: снаружи море морщилось под ветром, а внутри — ни одной морщинки.

— Атолл, — сказала Пуговка и записала в блокнот. — Мне парусный мастер рассказывал. Коралловое кольцо вокруг лагуны. Только у него лагуна была не круглая.

— А птиц нет, — сказал Шкот.

И правда. Над морем вокруг носились чайки, кричали, ныряли за рыбой. Но ни одна не садилась на Колечко. Подлетали — и сворачивали. Будто там висела невидимая табличка «Занято».

Облачный столб начинался прямо над лагуной.

Барсур бросил якорь у края кольца. Посмотрел на лагуну. Посмотрел на столб. Пошевелил усами.

— Шлюпку на воду, — сказал он.

— А вы? — спросил Кузо.

— Капитан с корабля не уходит.

Он сказал это так, будто прочитал строчку из очень старой книги. Спорить было бесполезно: таким голосом Барсур сообщал не мнения, а правила. Как то, что вода мокрая.

— Я с вами! — сказал Шкот.

— Ты со мной, — сказал Барсур. — Будешь учиться ждать. Это тоже работа.

Брамс заторопился на камбуз. Он как раз поставил в печь пирог с рыбой и луком. Уйти от пирога для него было всё равно что бросить спящего малыша.

— Уголёк, — сказал он строго и наклонился к печке. — Слушай внимательно. Следить. Не жечь. Повтори.

— Следить, не жечь, — повторил Уголёк скучным голосом. — Да я лучший пирожный огонь на всём…

— Повтори ещё раз.

— Следить. Не жечь. Иди уже!

Брамс сунул в корзинку на всякий случай десяток пирожков, флягу с компотом и мешочек соли. «Кок без соли — как капитан без компаса», — говорил он.

В шлюпку сели трое: Кузо с посохом, Пуговка с блокнотом и Брамс с корзинкой. На поясе у Кузо висела тыквочка со сверчком Цюй-Цюем — подарок жирафы Малинди с корабля «Полная Чаша». Цюй-Цюй был не простым сверчком, а «градусником сердец». Когда рядом кто-то добрел и теплел, он стрекотал чаще.

Шлюпка скользнула за коралловое кольцо. Вёсла почти не плескали: вода в лагуне была тихая и густая, как кисель. Под шлюпкой проплывали кораллы и пёстрые рыбки, которые смотрели вверх и не уплывали.

А в самой середине лагуны дно поднималось и становилось белым каменным кругом. На круге стоял шар.

Стеклянный. Размером с хорошую бочку. Внутри него клубилось что-то белое, как молоко, которое налили в чай. А вокруг шара, как дорожки планет, были надеты семь латунных колец. Шар стоял по пояс в воде, кольца отражались в лагуне, и казалось, что их не семь, а четырнадцать.

— Ух, — сказал Брамс.

— Армиллярная сфера, — сказала Пуговка шёпотом. — Я видела на картинке. Такими звездочёты изучали небо. Кольца — это пути звёзд. Только эта… какая-то неправильная.

— Почему?

— Внутри у звездочётов была Земля. А тут — молоко.

Они подплыли совсем близко. Кольца были покрыты тонкими значками, похожими на маленькие волны и капельки. Пуговка не удержалась. Она всегда не удерживалась, когда видела механизм. Протянула лапку и повернула первое кольцо. Оно пошло легко, мягко, с тихим щелчком.

— Пуговка! — сказал Брамс.

— Я только посмотреть!

— Не трогай чужое. — Брамс достал из кармана платок и принялся протирать стекло, где на нём засохла соль. — Вот, кто-то оставил. Неряхи.

Стекло под его платком засветилось.

— Брамс!

— Я только протереть!

Кузо смотрел на седьмое кольцо. Оно было самым верхним и самым тонким. И оно… дребезжало. Едва слышно. Весело. Как будто смеялось про себя.

Точно так же, как седьмая мачта.

Он сам не понял, как его лапа оказалась на кольце. Кольцо было тёплым.

И оно запело.

Это была одна-единственная нота. Та самая. Нота седьмой мачты. Кузо узнал бы её из тысячи. Где-то позади, за коралловым кольцом, на «Сполохе», седьмая мачта ответила — Кузо услышал это не ушами, а лапами, хвостом, всей шерстью сразу.

Шар вспыхнул белым. Вода в лагуне вздрогнула. А облачный столб над ними вдруг потянул вверх — как печная труба, когда в печке разгорается огонь. Шерсть у всех троих встала дыбом. Корзинка Брамса приподнялась сама. Блокнот Пуговки затрепетал страницами.

— Держитесь! — крикнул Кузо. Хотя держаться было не за что.

Их подхватило и понесло вверх. Легко, как пушинки. Быстро, как искры из костра. Внизу мелькнула пустая шлюпка, лагуна, белое колечко, «Сполох» с семью мачтами — маленький, как игрушка. А потом вокруг стало белым-бело, и больше ничего не было видно.

На «Сполохе». Минута первая.

Барсур видел, как шлюпка опустела. Просто опустела — была с тремя пассажирами, и вот в ней никого. Только вёсла покачиваются в уключинах.

Он не крикнул. Не побежал. Он пошёл в рубку и снял с полки песочные часы.

На кораблях время мерят песочными часами: их переворачивают каждые полчаса и бьют в колокол. Это называется «бить склянки» — часы-то стеклянные. Так моряки знают время даже ночью, когда нет ни солнца, ни звёзд.

Барсур перевернул склянку. Песок побежал тонкой струйкой.

— Ждём, — сказал он Шкоту.

— Долго?

— Сколько надо.

Из камбуза пахло пирогом. Уголёк следил и не жёг.

Глава 3. Горизонт в двухстах шагах

Их выплюнуло наружу так же легко, как втянуло. Кузо шлёпнулся на что-то гладкое и твёрдое, подпрыгнул, как мячик, снова шлёпнулся и наконец остался лежать. Рядом с мягким «пуф» приземлился Брамс. Пуговка упала прямо на его живот, как на подушку.

— Все целы? — спросил Кузо.

— Пирожки целы, — ответил Брамс из-под Пуговки. — Значит, все.

Они лежали на большом белом каменном круге — точь-в-точь таком, как на дне лагуны. Только шара на нём не было. А над кругом, высоко в воздухе, висело окно.

Круглое, огромное, как пруд, поставленный на ребро. Края его тихо переливались, как мыльный пузырь. А внутри, будто через запотевшее стекло, было видно море. И крошечная тёмная точка на нём.

— «Сполох», — сказал Кузо и вскочил. — Это же наш «Сполох»!

Он подпрыгнул, чтобы дотянуться до окна, — и полетел.

То есть не совсем полетел. Он подпрыгнул, как всегда, а взлетел раза в три выше обычного. Он медленно проплыл в воздухе, растопырив лапы и хвост, и так же медленно опустился. До окна было всё равно далеко.

— Ой, — сказал Кузо, приземлившись.

Брамс осторожно встал. Осторожно подпрыгнул. И поплыл вверх, тяжёлый, круглый и совершенно счастливый, как одуванчик, которого сдули.

— Пуговка! — завопил он сверху. — Я лёгкий! Я первый раз в жизни лёгкий!

— Здесь тяжесть слабая, — сказала Пуговка. Она уже стояла с блокнотом и считала, сколько Брамс висит в воздухе. — Чем меньше планета, тем слабее она тянет к себе. На Луне, например, прыгают раз в шесть выше.

— Планета? — переспросил Кузо.

И огляделся по-настоящему.

Вокруг была белизна. Не туман, не снег — просто белый свет, тёплый и ровный, сияющий отовсюду сразу. В нём плыли облака, а между облаками — острова, с травой, с деревьями, с камнями. На каждом острове стояло круглое окно. В одних было темно, в других синело, в третьих двигалось что-то зелёное, песчаное или ночное, со звёздами. Островов были сотни, и плыли они медленно и важно, как льдины по реке.

А под ногами у друзей была земля. И эта земля круто уходила вниз во все стороны. Не как гора — как спина огромного кота, свернувшегося клубком. Пройдёшь двести шагов — и всё, край. Дальше только белизна.

— Мы на шарике, — сказал Брамс, когда наконец опустился. — Ой, мамочки. Мы на горошине. На такой маленькой горошине, что с неё можно скатиться.

— Не скатимся, — сказал Кузо. — Если бы можно было скатиться, мы бы уже катились.

Он смотрел туда, где земля загибалась. И увидел, как из-за близкого-близкого края торчит что-то тонкое и блестящее. Острая верхушка какой-то башни. Только верхушка.

Кузо сделал несколько шагов вперёд — и шпиль подрос. Ещё несколько — и показалась крыша. Ещё — и вся башня встала над краем.

— Как мачта, — сказал он тихо.

— Что? — спросила Пуговка.

— Когда корабль идёт к тебе из-за горизонта, ты сначала видишь верхушку мачты. Потом паруса. А корпус — в самом конце. Барсур мне показывал. Это потому, что земля круглая. Корабль будто поднимается из-за горба. Была бы земля плоская, как стол, — он бы весь целиком рос из точки.

— А здесь горб совсем близко, — подхватила Пуговка и быстро зачиркала карандашом. — Дома, на большой земле, горизонт далеко — полчаса пешком. А здесь двести шагов. Значит, эта планета…

— Совсем маленькая, — договорил Кузо.

Ему стало немного не по себе. Он оглянулся на окно. Море в нём синело мутно-мутно, как воспоминание о сне.

И тут сверху кто-то засвистел.

Свистели весело, как свистят мальчишки, когда съезжают с горки. По воздуху, от одного острова к другому, тянулась тонкая светящаяся полоса — будто кто-то провёл по небу золотым карандашом. Мост из света, старый, ещё от тех, кто строил это место. Таких мостов здесь осталось немного. И по этому мосту, на чём-то вроде круглого подноса, мчалась вниз кошка.

Она неслась прямо на белый круг. В последний момент оттолкнулась задними лапами, перекувырнулась в воздухе — медленно, как это здесь получалось, — и приземлилась на все четыре лапы. Поднос, звеня, проехал дальше и остановился у ног Брамса.

Кошка выпрямилась.

Она была серебристо-серая, в тонкую тёмную полоску, будто кто-то провёл по ней карандашом. На плечах — короткий плащ цвета грозового неба, застёгнутый латунной пряжкой. На поясе позвякивали стеклянные пузырьки с чем-то разноцветным внутри. На лбу сидели круглые очки, похожие на два иллюминатора. А на шее, на тонкой цепочке, висела крошечная стеклянная звёздочка.

Она сдвинула очки повыше. И посмотрела на Кузо. Долго, будто сверяла его с картинкой, которую где-то уже видела.

Глаза у неё были разные. Один — голубой, как море в солнечный полдень. Другой — медовый, почти такой же, как у самого Кузо. У кошек так бывает. Нечасто, но бывает.

С Кузо в эту секунду случилось сразу несколько вещей.

Хвост распушился сам. Без спросу. Стал толстым, как у испуганного котёнка, хотя Кузо совсем не испугался. Уши сделались горячими. Сердце стукнуло не там, где обычно, а где-то повыше, почти в горле. А в тыквочке на поясе Цюй-Цюй вдруг застрекотал так часто, будто его подгоняли.

— Гости, — сказала кошка. Она не спрашивала, а будто ставила галочку. — Настоящие. Через Белое Колечко. С той стороны.

— З-здравствуйте, — сказал Кузо.

Ему надо было представиться. Он это делал сто раз. «Робинзон Кузо, помощник главного помощника капитана Барсура». Проще простого.

— Я Кузо, — сказал он. — Помощник главного помощника капитана… которого тут нет.

Брамс кашлянул. Пуговка подняла бровь.

Кошка моргнула. Голубым глазом, потом медовым. А потом вдруг рассмеялась — коротко и звонко, как будто уронила на камень ложечку.

Кузо так и не понял, смеётся она над ним или нет. Понял только, что хочет услышать этот смех ещё раз.

— Вега, — сказала она. — Исследовательница миров. Помощница Профессора, которого тут тоже нет.

Она посмотрела вверх, на окно с мутным морем.

— Вы хотите домой, — сказала она. — Конечно. Все хотят домой. Только с этой стороны окна не открываются.

— Совсем? — спросил Брамс.

— Почти совсем, — сказала Вега. — Пойдёмте. Я покажу.

Глава 4. Хозяйка пустой обсерватории

Башня, верхушку которой Кузо увидел первой, оказалась домом Веги.

Высокая и тонкая, из белого камня, а наверху — стеклянный купол. Вега называла её обсерваторией. Это такое место, откуда смотрят на небо. Только здесь смотрели не на небо, а на миры.

Внутри всё было круглое: комнаты, лестница, окошки. На полках стояли ракушки, и к каждой была привязана бирочка. Под потолком покачивались стеклянные шары с разноцветным светом. А по стенам, от пола до самого купола, висели сотни маленьких круглых стёклышек в латунных рамках. И в каждом что-то двигалось.

— Это глазки, — сказала Вега. — Видите острова снаружи? На каждом окно в какой-нибудь мир. А через глазки в эти окна можно подглядывать, не выходя из дома.

Брамс прижался носом к одному стёклышку. Там шёл снег — только розовый — и по снегу шагало что-то длинноногое, как цапля на ходулях.

— А пощупать можно?

— Нет, — сказала Вега. — Смотреть можно, трогать нельзя. Это первое правило Профессора.

В этот момент с её очков спрыгнул светлый зайчик, проскакал по стёклышкам, как по камушкам через ручей, и уселся на носу у Брамса.

— Ай! — сказал Брамс и скосил глаза. — Что это у меня на носу?

— Блик, — сказала Вега. — Солнечный зайчик. Живой. Живёт там, где есть стекло или вода. Блик, слезь с гостя.

Блик мигнул два раза, что, видимо, значило «не хочу», и перескочил Брамсу на пуговицу.

Пуговка тем временем замерла у стола. На столе лежала книга в коричневом переплёте, а рядом — гладкий стеклянный диск размером с блюдце.

— Это Кодекс, — сказала Вега. — Так Профессор называл свою главную тетрадь. А это его световая запись. Хотите посмотреть на него?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.